

Ирина Дулебова

К вопросу об общем и особенном в словацком и русском политическом дискурсе

Политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую политическую картину мира. „Коренные социально-политические трансформации в России и в странах её бывших союзников привели к большим изменениям в системе коммуникации, в первую очередь имеем в виду либерализацию общественных отношений, которая концентрируется в свободе слова во всех СМИ... а все названные процессы отражаются в языковой системе” (Сипко 2008), что особо очевидно в политическом дискурсе России и Словакии последних лет.

Особенности политического дискурса в сложных процессах трансформации Словакии и России – тема для компаративного исследования наших славянских языков весьма актуальная и сложная одновременно. Одним из интереснейших аспектов такого исследования является языковой феномен коммуникативной корректности, так называемой „политической корректности” (далее ПК), ведь как следствие политических изменений последних лет в России и в Словакии, социального расслоения общества, нерешённых проблем национальных меньшинств, феминизации общества всё чаще встаёт вопрос о ПК в политическом дискурсе.

Политическая корректность языка выражается в стремлении „найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида” (Иванова 2002: 11). В Словакии и России, стремящихся как можно быстрее приблизиться к главным ценностям западной демократии, эти процессы также чрезвычайно активны, однако в целом можно констатировать, что в развитых демократиях люди к вопросу языковой ПК более чутки, нежели в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы. В Словакии и России тенденции ПК пока лишь намечаются, и словацкий политолог М. Кусый справедливо в связи с этим замечает, что у нас пока отсутствуют соз-

данные обществом неписанные законы, где в языке политики проходит граница между нормой и оскорблением: „Vždy sa nájde niekto z politikov, kto prekročí hranice. Za normálnych okolností by mal byť za to odsudzovaný, u nás sa takýto politický bulvár pokladá za obveselenie” (всегда найдётся кто-то из политиков, кто перейдёт границы. В нормальных условиях его необходимо бы было порицать, у нас же такая политическая желтизна считается развлечением) (Kusý 2001: 325). При изучении российского политического дискурса мы приходим к выводу, что в России ситуация с ПК весьма подобна нашей, словацкой. Вместо *снижения размера пособий, зарплат – вынуждены приступить к социально непопулярным мерам* и т.д. при этом дословно одинаково как в русском, так и словацком языках. *Передвижение сроков выплат* о невыплате месяцами зарплат бюджетникам в России. В Словакии, к счастью, подобный прецедент не имел места, а потому и язык не изобрёл соответствующую эвфимизацию. В России у всех на слуху *социально непривилегированные / малообеспеченные слои населения*. В Словакии это, соответственно, не бедные, но *sociálne slabé* (социально слабые) слои населения. Эвфемизмом является выражение *nedofinancované školstvo* (недофинансированное образование, читай „нищее”) или *situácia je taká, aká je* (ситуация такая, как она есть, то есть весьма неприглядная). Уже почти 20 лет, не желая припоминать не так давно ушедшие языковые социалистические клише, в Словакии не используется термин *trieda* (класс). Интересно, что в русском языке подобных процессов со словом *класс, классовый* не происходит, а вот на словацкий язык даже нейтральный *средний класс* необходимо переводить как *stredná vrstva* (средний слой). Лишь в историческом контексте используется в Словакии и слово *kapitalizmus* (капитализм), уступая место сегодня более приемлемым *postkomunistická spoločnosť* (посткоммунистическое общество) или *trhová ekonomika* (рыночная экономика). Такие выражения как *простые люди* (в России), *социально слабые слои населения* (в Словакии) вместо *бедные* или попросту *нищие* стали уже неотъемлемой частью современного русского и словацкого политического дискурса.

Часто правомерность ПК в политическом дискурсе становится спорным вопросом потому, что подвергает ревизии и такие аксиомы наших веками почитаемых моральных установок, как *бедность – не порок* в России и *čo chudobnému dáš, to ti pánboh stonásobne vráti* (что бедному дашь то господь бог воздаст сторицей). В нашей общеславянской традиции в бедности жить трудно, но не позорно, а вот богатство положительно не оценивается, да и русскому *богатому черти деньги куют* очень удачно вторит словацкое *skôr chudobný udelí ako bohatý* (бедный даёт охотнее чем богатый). Ум явно предпочтительнее, глупость не похвальна, но осуждается беззлобно, к тому же у русских как известно *много ума – много греха, а на дурне не взыщут / глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит* / да и вообще *свой дурак лучше чужого умника*. Со снисходительной, но доброй улыбкой смотрит на дурака и словацкая традиция: *Aj hlúpy niekedy niečo múdre povie / Sprostá hlava neplešivie, nešedivie, nebolieva / Sprostý máva šťastie* (у дурак может умное сказать / глупая голова не лысеет, не седеет, не болит / дуракам счастье).

Христианские страны, Россия (преимущественно православная) и Словакия (с её очень сильной католической традицией) предположительно тяжело могут принять ПК ревизию языка и применительно к этически организованной системе общехристианских ценностей, составляющих практическую мораль, что относится и к текстам Священного Писания, где широк состав слов, называющих человеческие немощи, телесные и духовные. А политический дискурс последних лет в наших странах особенно склонен апеллировать именно к христианскому сознанию своих реципиентов.

Что такое ПК сегодня в современном российском и словацком языке политики: модное слово или действительно существующий языковой и культурный феномен? Ведь появление все большего количества политкорректных слов и выражений отрицать невозможно. Мы не можем проводить в данном случае однозначную параллель между Словакией и Россией потому, что словацкая история и российская история а значит и языковой и культурный опыт весьма отличны, и современность далеко не одинакова. Невозможно оспаривать словацкий европоцентризм, страна входит в Европейское сообщество, в то время как о азиатско-европейской двойственности менталитета России спорить не приходится, и сегодняшнее состояние политики и экономики подтверждает эту двойственность. Политическая корректность в наших странах сегодня как направление развития языка вызывает много вопросов, критики, сомнений, но можно констатировать с уверенностью, что и в России, и в Словакии политическая корректность уже существует, хотя в отличие от Америки в наших странах она пока не переросла в идеологию.

В политлингвистике России и Словакии в последние годы весьма повысилась и внимание к анализу фразеологического бума в политической коммуникации, росту количества образных выражений, используемых в выступлениях политиков с констатацией, что оно возросло в несколько раз по сравнению с предыдущими периодами.

Чудинов в своей книге „Политическая лингвистика” среди прочих характеристик современной политической коммуникации выделяет её *ритуальность и агрессивность, эзотеричность и интертекстуальность* (Чудинов 2007: 89) чему использование фразеологизмов и образных выражений безусловно весьма способствует, ведь фразеологическая теория одним из существенных признаков фраземы считает экспрессивность, то есть именно её убеждающую и побуждающую коммуникативную функцию. К интернациональной фразеологии (далее ИФ) принято относить фразеологические единицы, источником которых является христианство (в первую очередь Библия), античная литература, мифология, история и всемирная литература. Многие из таких единиц относятся к крылатым выражениям. Интернациональная фразеология несмотря на особенности варианта и инварианта каждой локальной культуры, имеет свои изоморфные черты. Коммуникативное же послание в основном тождественно. Лингвистическом анализ политической коммуникации полностью подтверждает мысль словакиста Й. Млацека „в фразеологии языков тех народов которые несколько предыдущих десятилетий жили в социалистическом лагере все исследования подтверждают выразительную ревитализацию христиански и библейски мотивированных

фразем” (Mlasek 2007: 253). Проиллюстрируем это на примерах использования ИФ в сегодняшнем политическом дискурсе Словакии и России. Библизмы используются практически одинаково, и что касается семантической их окраски и частотности в языке, общность христианской религии и общность книжного источника и у православного и у католического вероисповедания тому немало способствует.

Вот несколько примеров весьма популярных в политической коммуникации библизмов :

Манна небесная / manna nebeská

To, čo sa v novembri 1989 zdalo mannou nebeskou, sa dnes ukazuje ako omyl (Slovo, 2001)

Можно сидеть и ждать манны небесной, а лучше, засучив рукава самому заработать на пропитание (РФ сегодня, 2006)

метать бисер перед свиньями / hádzat' perly sviniam

Новый рубеж — завоевание международного признания, иначе и не стоило метать бисер перед свиньями (news.ntv.ru)

To je ako hádzat' perly sviniam (о школьной реформе в Словакии, декабрь 2008, www.aktuality.sk)

волк в овечьей шкуре / vlk v ovčej koži

Про волков в овечьей шкуре. Недавно Госдума подготовила очередной ряд поправок в пакет антирейдерских законов (Российская газета, ноябрь 2008)

– Prichádza vlk v ovčej koži (SME, 2007)

Словацкая лингвистка Яна Складана пишет „мы исследовали фразеологические интернационализмы христианского происхождения в прессе и пришли к выводу, что в сравнении с ситуацией до 1989 года их использование значительно возросло и имеет значительную частотность” (Skladaná 2003: 112).

Что касается ИФ берущих своё начало в сокровищнице мировой литературы то мы не можем совместно со словацким русистом профессором Й. Сипко не отметить большую (по сравнению со словацкой) литературоцентричность русскоязычной политической коммуникации, что проявляется соответственно в том, что в современном языке политики России значительно больше ИФ берущих своё начало в наследии мировой литературы. В российских СМИ это, несомненно, литературоцентристская интертекстуальность, когда прецедентным текстом становятся именно литературные реминисценции. Суммаризируя многолетние наблюдения над особенностями интертекстуальности русского текста профессор Сипко подчёркивает, что здесь „однозначно доминируют литературные реминисценции... которые представляют один из принципиальных этнопсихолингвистических признаков русской культуры. Они подчёркивают её литературоцентризм...” и далее „...русско-словацкое сопоставление функционирования литературных реминисценций в современной русской и словацкой периодике имеет соотношение 16:1 в пользу русских литературных реминисценций” (Сипко 2003: 113).

Интересно по этому же поводу высказывается и словацкий профессор Й. Млацек, это мысль что в Словакии „вместе с отказом от классического

образования большая часть литературных фразем отходит на второй план" (Mlasek 2007: 266). Следующие ИФ нам удалось зарегистрировать лишь в русскоязычном политическом дискурсе: *Ярмарка тщеславия* (У. Теккерея), *Школа злословия* (Р. Шеридан), *Слуга двух господ* (К. Гольдони), *Что он Гекубе? Что ему Гекуба?* (В. Шекспир), *Человек – животное общественное* (Аристотель), *Остановись мгновенье, ты прекрасно* (Гёте), *Тайны Мадридского двора* (Г. Борн), *Страдания молодого Вертера* (Гёте), *С точки зрения вечности* (Спиноза), *Со щитом или на щите* (Плутарх), *Собака на сене* (Эзоп, Лопе де Вега), *Синяя птица* (Метерлинк), *Люди гибнут за металл* (Гёте).

Данные крылатые выражения весьма и весьма популярны в сегодняшней русскоязычной политической коммуникации, и пока ещё у российского реципиента политического дискурса достаточно „фоновых” знаний для их адекватного восприятия, авторы политических текстов будут их использовать вновь и вновь.

Современную перенасыщенность текста фразеологией и в Словакии и в России связывают с общей демократизацией жизни общества и соответственно свободным отношением участников коммуникации к выбору языковых средств выражения, с отсутствием политической и языковой цензуры, с реструктуризацией системы стилей русского и словацкого языка, с повышенной эмоциональностью современной политической речи, с поиском новых языковых средств для повышения выразительности текстов и привлечения к ним внимания слушателей.

Литература

- Kusý M., 2001, *Na vlnách Slobodnej Európy*, Kalligram, Bratislava.
- Mlasek J., 2007, *Študie a state o frazeológii*, KU v Ružomberku, Filozofická fakulta, Ružomberok.
- Skladaná J., 2003, *Textotvorné potencie frazeologických internacionalizmov*, „Jazykovedný časopis”, roč. 54, č. 1–2.
- Иванова О., 2002, *Политкорректность в России*, „Вестник Евразии”, № 3.
- Сипко Й., 2003, *Этнопсихолингвистические основы русско-словацких сопоставлений*, Прешов.
- Сипко Й., 2008, *В поисках истинного смысла*, FFPU v Prešove.
- Чудинов А., 2007, *Политическая лингвистика*, Москва.

Z problematyki cech wspólnych i osobliwych w politycznym dyskursie słowackim i rosyjskim

Streszczenie

Artykuł dotyczy obecnego stanu politycznego dyskursu w Rosji i na Słowacji. Koncentruje się na wspólnych dla obu i specyficznych dla każdego języka aspektach współczesnego dyskursu politycznego. Analiza odnosi się głównie do faktu pojawiania się eufemizmów i rozwoju międzynarodowej frazeologii w obu językach. Konkluzją artykułu jest stwierdzenie, że mimo znacznych narodowych osobliwości istnieje oczywisty wspólny trend w zakresie rozwoju współczesnego języka polityki w obu krajach.